

Оригинальная статья

УДК 331.5

JEL A13, B52, J21, O17

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_3_392_408

EDN LBKNFR

Неформальная занятость в цифровой экономике: институциональные ловушки и социальные риски

Наталья Юрьевна Кауфман¹, Светлана Юрьевна Зеленцова²

^{1,2} Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

¹ (ntrus@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-7385-9276>)

² (svetlana-zel@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-6803-3082>)

Аннотация

В условиях происходящих изменений, актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией рынка труда, порождающей новые гибридные формы занятости, которые развиваются быстрее формирования адекватной нормативно-правовой базы, что создаёт предпосылки для расширения неформальной занятости в цифровой среде, сопряженной с масштабными социальными рисками. Теоретической основой выступает неинституциональная экономическая теория (Д. Норт), методологический аппарат включает институциональный, системный и эволюционный подходы, методы классификации, статистического и сравнительного анализа, матричного моделирования. Эмпирическую базу составили данные Росстата, ФНС, экспертные оценки фискальных потерь, а также результаты отечественных и зарубежных исследований. Цель работы – выявление и анализ ключевых институциональных ловушек, обуславливающих устойчивость неформальной занятости в цифровой экономике, и систематизация порождаемых ими социальных рисков. Авторами в статье поставлены и решены следующие задачи: концептуализировано понятие «неформальная занятость в цифровой экономике» с позиций институциональной экономической теории; систематизированы и классифицированы институциональные ловушки, характерные для цифровой среды; определены социальные риски, ассоциированные с выявленными ловушками; сформулированы ориентиры для институциональных изменений. В результате исследования выявлены четыре ключевые институциональные ловушки неформальной занятости в цифровой экономике: правовой неопределённости, псевдосамостоятельности, гибкости как принуждения и платформенного посредничества. На основе проведённого анализа сформирована матрица социальных рисков и установлено, что совокупное действие выявленных ловушек порождает системные последствия на индивидуальном (снижение защищённости), групповом (рост неравенства, деградация коллективных форм защиты и солидарности) и общесистемном (фискальные потери) уровнях, консолидируя слой «цифрового прекариата». Практическая значимость исследования заключается в обосновании направлений институциональных изменений, направленных на преодоление выявленных ловушек: дифференциация правовых статусов работников, совершенствование механизмов переквалификации гражданско-правовых отношений, обеспечение прозрачности цифрового посредничества и поддержка новых форм коллективной защиты. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической верификацией предложенных механизмов и разработкой методик оценки эффективности институциональных преобразований в сфере регулирования цифровой занятости.

Ключевые слова: неформальная занятость, цифровая экономика, институциональные ловушки, социальные риски, платформенная занятость, цифровой прекариат

Для цитирования: Кауфман Н.Ю., Зеленцова С.Ю. Неформальная занятость в цифровой экономике: институциональные ловушки и социальные риски // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 3. С. 392–408. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_3_392_408 EDN LBKNFR

RAR (Research Article Report)

JEL A13, B52, J21, O17

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_3_392_408

Informal Employment in the Digital Economy: Institutional Pitfalls and Social Risks

Natalya Yu. Kaufman¹, Svetlana Yu. Zelentsova²

^{1,2} Surgut State University, Surgut, Russia

¹ (ntrus@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-7385-9276>)

² (svetlana-zel@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-6803-3082>)

Abstract

In the context of the ongoing changes, the relevance of the study is due to the rapid digitalization of the labour market, which generates new hybrid forms of employment, which are developing faster than the formation of an adequate regulatory framework, which creates the prerequisites for the expansion of informal employment in the digital environment, associated with large-scale social risks. The theoretical basis is neoinstitutional economic theory (D. North), the methodological framework includes institutional, systemic and evolutionary approaches, methods of classification, statistical and comparative analysis, matrix modeling. The empirical basis of the study was made up of data from Rosstat, the Federal Tax Service, expert estimates of fiscal losses, as well as the results of domestic and foreign studies. The aim of the study is to identify and analyze the key institutional traps that determine the sustainability of informal employment in the digital economy, and systematize the social risks generated by them. The study pursues four objectives: the concept of «informal employment in the digital economy» is developed a conceptual definition from the standpoint of institutional economic theory; systematized and classified institutional traps characteristic of the digital environment; social risks associated with identified traps are identified; guidelines for institutional change are formulated. The study identified four key institutional traps of informal employment in the digital economy: legal uncertainty,

© Кауфман Н.Ю., Зеленцова С.Ю., 2026

bogus self-employment, flexibility as coercion, and platform intermediation. Based on the analysis, a social risk matrix was developed and it was established that the cumulative effect of the identified traps generates systemic consequences at the individual (greater vulnerability), group (growing inequality, degradation of collective forms of protection and solidarity) and system-wide (fiscal losses) levels, consolidating the «digital precariat» layer. The practical significance of the study lies in the justification of the directions of institutional changes aimed at overcoming the identified pitfalls: differentiation of the legal status of employees, improving mechanisms for the reclassification of civil-law contracts as employment relationships, ensuring the transparency of digital mediation and support for new forms of collective protection. The prospects for further research are related to the empirical verification of the proposed mechanisms and the development of methods for assessing the effectiveness of institutional transformations in the field of the regulation of digital employment.

Keywords: informal employment, digital economy, institutional traps, social risks, platform employment, digital precariat

For citation: Kaufman N.Yu., Zelentsova S.Yu. Informal Employment in the Digital Economy: Institutional Pitfalls and Social Risks. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(3):392–408. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_3_3_392_408 (In Russ.)

Введение

Стремительная цифровизация экономических процессов трансформирует глобальный и национальные рынки труда, порождая новые, зачастую гибридные формы занятости. Платформенная экономика, фриланс, удалённая работа и проектный труд, с одной стороны, открывают возможности для гибкости, самозанятости и снижения транзакционных издержек. С другой стороны, они становятся питательной средой для расширения неформальной занятости, обретающей в цифровой среде новые, институционально не урегулированные формы.

Эта трансформация происходит быстрее, чем развивается соответствующая нормативно-правовая база, что создаёт предпосылки для формирования институциональных ловушек – устойчивых неэффективных норм, которые воспроизводятся, несмотря на их негативные последствия. Выход работников в «цифровую тень» сопряжен с масштабными социальными рисками: утратой гарантий трудовых прав, социальной защиты, доступа к легальному кредитованию и пенсионному обеспечению, что в долгосрочной перспективе угрожает устойчивости социально-трудовой сферы и повышает нагрузку на государственный бюджет.

Проблематика неформальной занятости, цифровой трансформации труда детально изучена в работах отечественных и зарубежных учёных, которые исследовали её причины, масштабы и структуру в индустриальном и постиндустриальном контексте. Однако научный пробел заключается в недостаточной проработке взаимосвязи между институциональными особенностями цифровой экономики и воспроизводством неформальных практик, также в комплексной оценке формирующихся социальных рисков не как побочного эффекта, а как системного следствия новых институциональных ловушек.

В экономике существует понятие «рабочая сила», которое представляет собой совокупность

лиц, предлагающих свой труд для производства товаров и услуг, и охватывает две ключевые категории: занятых и безработных. Критерием отношения к занятым служит наличие рабочего места, реализуемое через формальное членство в производственном коллективе, осуществление индивидуальной трудовой или предпринимательской деятельности. Важно отметить, что статус занятого сохраняется за работником на основании заключённого трудового договора (оформленных трудовых отношений) даже в периоды его временного отсутствия на рабочем месте (очередной отпуск, болезнь, командировка) [1].

Изучение неформальной занятости имеет прочную теоретическую традицию, восходящую к работам К. Харта [2], заложившего основы концепции «неформального сектора». В российской науке фундаментальный вклад в изучение масштабов, структуры и функций неформальной занятости внесли В.Е. Гимпельсон и Р.И. Капелюшников [3], обосновавшие её роль как адаптационного механизма российского рынка труда, а также Е.С. Узякова [4], связавшая неформальность со структурными дисбалансами. В своём исследовании она показывает, что неформальность – это не пережиток прошлого, а активно воспроизводимый элемент, тесно связанный с проблемами структурного несоответствия спроса и предложения труда.

Проблема неформальности на рынке труда описывается в научном дискурсе множеством терминов («недекларируемая», «неофициальная», «нерегулируемая», «неформальная» занятость и пр.), что отражает сложность и многогранность самого феномена. Несмотря на терминологическое разнообразие в научных источниках, в качестве международных статистических стандартов были утверждены лишь два: «занятость в неформальном секторе» и «неформальная занятость» [5]. Эти категории, разработанные Международной организацией труда (МОТ), представляют собой последовательные этапы эволюции подходов

к измерению неформальности – от методологии 1990-х годов к более совершенной системе 2000-х.

Согласно МОТ¹, существуют следующие ключевые критерии:

- для работников по найму: отсутствие письменного договора, социального страхования (пенсионного, медицинского), оплачиваемого отпуска, защиты от необоснованного увольнения;
- для работодателей и самозанятых: ведение деятельности без государственной регистрации и/или без уплаты соответствующих налогов и сборов.

Ф. Адэр, следуя рекомендациям МОТ, рассматривает неформальную занятость как занятость, не охваченную трудовым и социальным законодательством (отсутствие контракта, соцгарантий), которая может существовать как в формальном, так и в неформальном секторе [6].

С развитием цифровых технологий фокус исследований сместился в сторону новых форм занятости. В работах Г.Л. Воронина и А.Д. Крамера [7] неформальная занятость рассматривается как условие становления прекариата. Н.В. Закалюжная [8] анализирует трансформацию трудовых отношений в цифровую эпоху, подчёркивая разрыв между динамикой технологических изменений и инертностью правового регулирования, что создаёт институциональный вакуум, в котором возникают новые гибридные формы занятости, не вписывающиеся в традиционные правовые конструкции.

Концептуальные основания исследования прекаризации заложены в работах Ж.Т. Тощенко [9], обосновавшего появление нового социального класса – прекариата, а также В.Н. Бобкова, Е.В. Одинцовой и В.И. Рязанцева [10] предложивших индикаторы прекаризованной занятости и выявивших её межпоколенные особенности. И.А. Волкова и Т.А. Галынчик [11] показывают, что прекаризация ведет к обесцениванию человеческого капитала, снижая мотивацию работников к профессиональному развитию.

Региональные исследования дополняют макроэкономический анализ микроуровневыми данными. Так, Р.Р. Ураев, А.С. Круль и Г.Р. Валиева [12], фиксируют, что в Республике Башкортостан цифровая неформальная занятость становится для многих респондентов осознанным выбором, связанным со стремлением к самостоятельности и гибкому графику. В.В. Одегов, Д.О. Шерстяков и Е.А. Шумилина [13], обосновывают значимость региональной дифференциации структуры занятости, а Э.О. Илларионова [14] в своём исследова-

нии акцентирует внимание на гендерных аспектах трансформации занятости в условиях цифровизации, показывая, что новые формы занятости создают возможности для уязвимых групп, но одновременно несут риски усиления неравенства.

Зарубежные исследователи (А. Elias, G.M. Gomez [15], J. Drahokoupil, A. Piasna, W. Zwysen [16]) подчёркивают, что цифровые платформы выступают активными институциональными акторами, формирующими новые нормы социально-трудовых отношений и выводящими их за пределы национального трудового законодательства.

Несмотря на значительный объём накопленного знания, представленного в работах как общероссийского, так и регионального уровня, в научной литературе сохраняется пробел в системном анализе взаимосвязи между специфическими институциональными характеристиками цифровой среды (алгоритмическое управление, пользовательские соглашения, рейтинговые системы) и устойчивым воспроизводством неформальных практик.

Исследования, рассмотренные выше, фиксируют наличие новых форм неформальной занятости, их распространение в регионах, связь с кризисными явлениями и гендерную специфику, однако они не предлагают единой теоретической рамки, объясняющей, почему эти формы устойчиво воспроизводятся, несмотря на декларируемые государством цели легализации и социальной защиты. Настоящее исследование предлагает заполнить этот пробел, рассматривая неформальную занятость в цифровой экономике не как совокупность отклонений, а как результат функционирования самоподдерживающихся институциональных ловушек, что позволяет объяснить эффект блокировки и обосновать направления институциональных изменений.

Следовательно, актуальность исследования обусловлена развитием неформальной занятости в условиях развития гиг-экономики и цифровизации, которые формируют новый взгляд на рынок труда и появление новых профессий, предусматривающих не только стандартную занятость в офисе, но и расширение платформенной занятости, фриланса. Цифровые средства упрощают коммуникативные каналы взаимодействия работодателя и работника, формируя различные вариации такого взаимодействия и в то же время они несут определённые риски.

Цель исследования – выявить и проанализировать ключевые институциональные ловушки, обуславливающие устойчивость и институционализацию неформальной занятости в условиях цифровой экономики, а также систематизировать порождаемые ими социальные риски.

¹ Доклад Международной организации труда о статистике неформального сектора // ООН: [сайт]. URL: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/53rd-session/documents/2022-24-InformalEcoStats-R.pdf> (дата обращения: 27.03.2026).

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- Концептуализировать понятие «цифровая неформальная занятость» в рамках институциональной экономической теории.

- Систематизировать и классифицировать институциональные ловушки, характерные для цифровой среды (ловушка «правовой неопределённости», «псевдосамостоятельности», «гибкости как принуждения», «платформенного посредничества»).

- Определить социальные риски (снижение уровня социально-трудовой защищённости, рост социально-экономического неравенства, деградации коллективных форм защиты и солидарности, фискальных потерь и нагрузки на бюджетную систему), ассоциированные с выявленными ловушками.

- На основе сравнительного анализа зарубежного и российского опыта регулирования сформулировать ориентиры для институциональных изменений, направленных на минимизацию выявленных рисков.

Объект исследования – социально-трудовые отношения, складывающиеся в сфере цифровой занятости.

Предмет исследования – институциональные механизмы воспроизводства неформальной занятости и связанные с ними социальные риски.

Гипотеза исследования заключается в том, что рост неформальной занятости в цифровой экономике обусловлен не только технологическими изменениями, но и формированием устойчивых институциональных ловушек, которые, будучи взаимосвязанными, создают системные социальные риски, выходящие за рамки индивидуальных потерь работников.

Теоретические и методологические основы

Настоящее исследование выполнено в рамках неинституциональной экономической парадигмы, что обусловлено необходимостью анализа не только формальных правил регулирования занятости, но и неформальных практик, складывающихся в цифровой среде, и сочетает качественную (институциональный анализ, концептуализация) и количественную (статистический анализ, оценка масштабов) стратегии. Работа представляет собой теоретико-прикладное исследование, построенное на логике последовательной декомпозиции цели: от концептуализации явления к выявлению его институциональной структуры (ловушек) и далее – к оценке системных последствий (рисков).

Методологическую основу работы составил комплекс взаимодополняющих подходов. Институциональный подход (в традициях Д. Норта) позволил рассмотреть неформальную занятость

как результат взаимодействия формальных правил и неформальных ограничений, а также применить концепт «институциональных ловушек» для объяснения устойчивости существующих практик в цифровой среде. Системный подход обеспечил рассмотрение рынка труда как целостной системы, где изменения в одном сегменте (цифровая занятость) влекут трансформацию всей конфигурации социально-трудовых отношений. Эволюционный подход использован для анализа трансформации форм неформальности по мере цифровизации экономики – от традиционной к цифровой.

В работе использован комплекс методов, соответствующих поставленным задачам:

- Теоретический анализ и синтез применены для систематизации научных подходов к определению неформальной занятости, выявления теоретического пробела и концептуализации понятия «цифровая неформальная занятость». Проанализированы фундаментальные труды отечественных (Г.Л. Воронин, В.Е. Гимпельсон, С.В. Дорошенко, А.А. Зудина, Р.И. Капелюшников, А.Д. Крамер, Е.С. Узякова) и зарубежных авторов (S. Baghaie, S. Sajadi Mohammad, K. Hart, X. Lei, A. Kelishomi Moghaddasi, R. Nistico, R. Wang), а также современные публикации по проблемам платформенной занятости и прекаризации труда (Д.Г. Бычков, И.А. Волкова, Т.А. Галынчик, Е.Е. Гришина, С.Ю. Зеленцова, М.И. Имамвердиева, Н.Ю. Кауфман, А.А. Колесник, Н.В. Локтюхина, О.А. Феоктистова О.А., Е.Л. Филатова).

- Метод классификации и типологизации использован для выделения и систематизации институциональных ловушек неформальной занятости в цифровой экономике. На основе анализа:

1. Нормативных правовых актов (Трудовой кодекс РФ², Федеральный закон № 422-ФЗ о налоге на профессиональный доход³).

2. Научной литературы по институциональной экономике и цифровой занятости (Н.В. Заколюжная, В.В. Браткова, Е.А. Курносова, И.Н. Мыслева, Д.А. Оганесян, О.В. Сорокина, Е.Л. Филатова, М.А. Anwar, A. Elias, W.H. Dutton, V. Heimburg, G.M. Gomez, M. Graham, M. Wiesche).

Были выделены четыре устойчивых типа ловушек, различающихся по источнику возникновения и механизму воспроизводства: правовой неопределённости, псевдосамостоятельности, гибкости как принуждения, платформенного посредничества.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025 № 532-ФЗ).

³ Федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ (ред. от 28.11.2025 г. № 425-ФЗ) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход».

– Статистический и экономико-статистический анализ применялся для оценки масштабов и динамики неформальной занятости в РФ. Эмпирическую базу составили: официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат)⁴; аналитические отчёты⁵ и данные оценки фискальных рисков теневой занятости и перспективы совершенствования налогового администрирования в сфере цифровой занятости⁶.

– Метод сравнительного анализа использован для сопоставления различных подходов к регулированию цифровой занятости в российской и зарубежной практике, что позволило обосновать предложения по институциональным изменениям. Сравнительный анализ включал:

1. Анализ российской практики регулирования: оценка эффективности эксперимента по налогу на профессиональный доход (Д.Г. Бычков, Е.Е. Гришина, С.В. Дорошенко, Н.В. Локтюхина, О.А. Феоктистова), анализ пробелов в трудовом законодательстве в сфере платформенной занятости (Н.В. Заколюжная, И.Н. Мыслева, оценка рисков подмены трудовых отношений статусом самозанятого (А.В. Алексеевская, И.Ю. Ваславская), анализ практик алгоритмического управления в российских платформах (Г.Р. Баймурзина, Е.Л. Филатова, Е.А. Черных).

2. Анализ подходов к легализации неформальной занятости зарубежных стран (Р. Adair, A. Moghaddasi Kelishomi, R. Nistico, V. Heimbürg, M. Wiesche).

– Метод моделирования и матричный анализ применён для построения авторской матрицы социальных рисков, в которой каждый тип институциональной ловушки соотнесён с четырьмя ключевыми группами рисков: снижение уровня социально-трудовой защищённости, рост социально-экономического неравенства, деградация коллективных форм защиты и солидарности, фискальные потери. Оценка уровня риска (высокий, средний, низкий) проводилась на основе синтеза статистических данных и результатов качественных исследований, в том числе:

⁴ Труд и занятость в России 2025 // Росстат: [сайт]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 27.03.2026); Комплексное наблюдение условий жизни населения // Росстат: [сайт]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html (дата обращения: 27.03.2026).

⁵ Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Федеральная налоговая служба: [сайт]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 27.03.2026).

⁶ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов // Минфин России: [сайт]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=308751-osnovnye_napravleniya_byudzhethoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_rossiiskoi_federatsii_na_2025_god_i_na_planovyi_period_2026_i_2027_godov (дата обращения: 27.03.2026).

1. Для оценки снижения уровня защищённости использованы данные Комплексного наблюдения условий жизни населения (Росстат) о доле работников, не имеющих письменного трудового договора, оплачиваемого отпуска и социальных отчислений, а также результаты исследований В.Н. Бобкова, В.В. Братковой, Е.В. Одинцовой, В.И. Рязанцева, О.В. Сорокиной и др., в которых предложены индикаторы прекаризованной занятости (отсутствие трудового договора, неофициальный доход, отсутствие социальных гарантий).

2. Для оценки уровня роста социально-экономического неравенства использованы данные Росстата о дифференциации доходов населения в разрезе форм занятости, а также исследования М.Н. Дудина о влиянии цифрового неравенства на социально-экономическое развитие регионов и исследования Г.Р. Баймурзиной, Е.А. Черных о разрыве в доходах между ключевым и периферийным персоналом цифровых платформ.

3. Для оценки уровня деградации коллективных форм защиты и солидарности использованы результаты исследований В.Н. Бобкова, Е.В. Одинцовой, В.И. Рязанцева, выявившие невозможность применения традиционных институтов защиты прав работников в условиях цифровой неформальной занятости, а также исследования А. Elias, G.M. Gomez о блокировке самоорганизации работников алгоритмическим управлением.

4. Для оценки уровня фискальных потерь использованы данные Федеральной налоговой службы о численности самозанятых и объёме начисленных налогов, экспертные оценки Председателя Комитета Совета Федерации по бюджету А.Д. Артамонова, а также исследования С.В. Дорошенко, А.В. Алексеевской, И.Ю. Ваславской о налоговых потерях при подмене трудовых отношений статусом самозанятости.

Синтез указанных источников позволил присвоить каждому типу институциональной ловушки качественную оценку уровня соответствующего риска (высокий, средний, низкий), что нашло отражение в авторской матрице социальных рисков (таблица 3).

В рамках настоящего исследования анализ проводится на макроуровне с фокусом на общероссийские институциональные тенденции, что обусловлено необходимостью концептуализации самого феномена цифровой неформальной занятости и выявления универсальных механизмов воспроизводства институциональных ловушек. Региональная дифференциация (различия в уровне безработицы, отраслевой структуре, практике внедрения цифровых платформ в субъектах РФ) представляет собой самостоятельный вектор дальнейших исследований и требует отдельного

эмпирического анализа с привлечением региональных статистических данных и качественных полевых исследований.

Результаты исследования и их обсуждение

В институциональной перспективе неформальная занятость – это не просто статистическая категория, а следствие устойчивых неэффективных норм – «ловушек», закрепляющих разрыв между формальным законодательством и реальными практиками. В контексте цифровой экономики эти ловушки приобретают специфические черты, трансформируясь в модели «платформенной неформальности», где отсутствие гарантий идеологически маскируется под атрибут гибкости и предпринимательской самостоятельности.

Анализ эмпирических данных подтверждает, что в условиях системной трансформации российской экономики неформальная занятость (теневая), сформировалась в качестве спонтанного, но эффективного компенсаторного механизма. Она выступала инструментом оперативной подстройки рынка труда к кризисным шокам: высвобождаемые из формального сектора (различных организаций) работники абсорбировались теневой экономикой, что предотвращало обвалный рост безработицы и позволяло сохранять видимость стабильности в сфере занятости [17]. Отметим, что данный процесс не следует смешивать с занятостью в легальном неформальном секторе (индивидуальные предприниматели, самозанятые), которая, хотя и создаёт повышенные риски перехода в тень, сама по себе не является теневой.

Критерии отнесения к неформальной занятости, используемые Росстатом, базируются на отсутствии официальной регистрации как самого

хозяйствующего субъекта, так и трудовой деятельности индивида. В эту категорию попадают, с одной стороны, наёмные работники неформальных предприятий, а с другой – лица, занятые самостоятельно без надлежащего оформления. Наибольшая концентрация таких работников традиционно фиксируется в отраслях с низким порогом входа и высокой долей самозанятости: сельское хозяйство, торговля, строительство и услуги.

В рамках данного исследования под неформальной занятостью (теневой) понимаются трудовые отношения, полностью или частично скрытые от государственного регулирования и налогообложения, характеризующиеся отсутствием социальных гарантий, пенсионных прав и формального договорного оформления. В отличие от этого, категория «занятые в неформальном секторе», используемая в официальной статистике Росстата, охватывает легальную экономическую деятельность физических лиц (индивидуальных предпринимателей, самозанятых, лиц, работающих по найму у физических лиц), которая сама по себе не является теневой, но создаёт институциональную среду с повышенными рисками перехода в неформальность. Поэтому динамика занятости в неформальном секторе может рассматриваться как косвенный индикатор потенциала распространения теневых практик в цифровой экономике.

По данным официальной статистики в России численность занятых в неформальном секторе в 2024 г. составляла 15,2 млн человек (рисунок 1), их уровень в общем числе занятых составил 20,5%. На протяжении 5 лет, с 2020 года доля занятых в неформальном секторе в общей численности занятости остаётся на уровне 20%, незначительно снизившись в 2023 году до 18,3%.

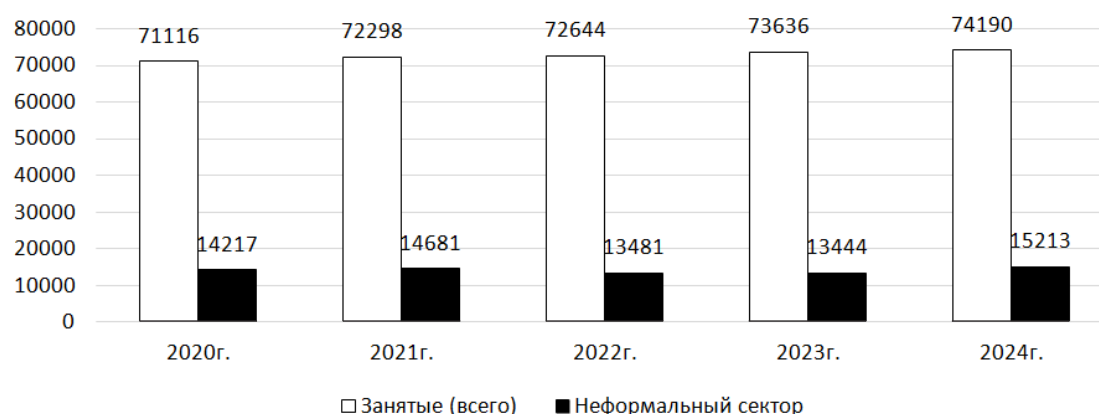

Рисунок 1. Статистика занятых, в т.ч. в неформальном секторе за 2020–2024 гг., тыс. чел.

Figure 1. Employment Statistics, Including in the Informal Sector for 2020–2024, Thousand People

Источник: Федеральная служба государственной статистики.⁷

⁷ Труд и занятость в России 2025 // Росстат: [сайт]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 27.03.2026).

Весь комплекс причин сложившейся динамики увеличения неформальной занятости можно разделить на статистико-структурные, экономические и институционально-поведенческие факторы.

1. Статистико-структурные факторы. Согласно методологии Росстата, к занятым в легальном неформальном секторе относятся три основные группы: работники, занятые у индивидуальных предпринимателей; самозанятые, применяющие специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»; лица, работающие по найму у физических лиц (домохозяйств). Наблюдался взрывной рост числа самозанятых – это главный структурный драйвер, так, по данным ФНС, на конец октября 2024 года в России было зарегистрировано 11,7 млн самозанятых, что на 33% больше, чем годом ранее.

2. Макроэкономические факторы. К ним относятся высокая инфляция и дорогие кредиты, а также оптимизация налоговой нагрузки, когда работодатели активно переводят сотрудников на схемы с самозанятостью или выплачивают часть зарплаты «в конверте», такая мера позволяет формально снизить расходы на персонал, но для работника оборачивается потерей социальных гарантий.

3. Институциональные факторы и трансформация трудовых отношений. Данная проблема характеризуется политикой служб занятости и подменой трудовых отношений оформлением работника в качестве самозанятого. Формально такой работник приобретает легальный статус (уплачивает налог на профессиональный доход), однако фактически продолжает трудиться в режиме полного рабочего дня с подчинением правилам внутреннего распорядка работодателя, что позволяет последнему обходить требования Трудового кодекса об отпусках, больничных и социальных гарантиях. В итоге, человек выходит из статуса безработного, но его реальная занятость и доходы более не контролируются государством, пополняя сектор неформальной экономики. А также преобладает развитие платформенной занятости: цифровые платформы (Яндекс.Такси, Ozon, Wildberries, Avito и др.) создают миллионы рабочих мест, но значительная часть этих мест приходится именно на самозанятых или тех, кто совмещает такую деятельность с основной работой. Однако институционально эти отношения остаются в «серой зоне» между наёмным трудом и предпринимательством, что и фиксируется статистикой как рост неформальности.

4. Социальные риски как обратная сторона роста. В контексте данной проблемы со

стороны работников – это потеря социальных и пенсионных прав, со стороны государства происходят потери бюджета. Председатель Комитета СФ Анатолий Артамонов оценил прогнозный ущерб бюджету от теневой занятости в 2024 году в 11,4 трлн рублей (против 7,7 трлн в 2020-м)⁸.

Для понимания природы неформальной занятости в новых технологических условиях недостаточно статистического подхода, фиксирующего лишь отсутствие регистрации или договора. Требуется теоретическая рамка, позволяющая объяснить, почему эта форма воспроизводится и какие механизмы лежат в её основе. Такую рамку предоставляет институциональная экономическая теория, которая изучает взаимодействие формальных правил (законов, норм) и неформальных практик (обычаев, традиций, рутин).

Относительно трансформации рынка труда под влиянием цифровых технологий, выявлено появление новых форм занятости (платформенная, дистанционная), изменение требований к работникам, флексибилизацию трудовых отношений [18; 19].

В рамках институциональной теории неформальная занятость в цифровой экономике может быть определена как: устойчивый тип трудовых отношений, осуществляемых с использованием цифровых технологий (интернета, мессенджеров, соцсетей, специальных сайтов) [20], который характеризуется отсутствием социальной защиты работника при формальном декларировании иного статуса («самозанятый», «партнёр», «независимый подрядчик»). Ключевой признак – «серая» схема оплаты труда (полностью или частично скрытая от налогообложения) и отсутствие официального оформления трудовых отношений в соответствии с Трудовым кодексом, тогда как способ поиска заказчика или доставки услуги может быть любым цифровым. Это порождает институциональный вакуум или «серую зону», где нормы трудового права де-факто не действуют.

Для более глубокой концептуализации неформальной занятости в цифровой экономике можно применить модель Дугласа Норта (институты как «правила игры»), адаптировав её к цифровой реальности (таблица 1).

⁸ Филоненко В.В. В Совфеде оценили прогнозный ущерб от теневой занятости в 11 триллионов рублей // Парламентская газета: [сайт]. 04 июня 2025 г. URL: https://www.pnp.ru/economics/v-sovfede-ocenili-prognoznnyy-ushherb-ot-tenevoy-zanyatosti-v-11-trillionov-rubley.html?utm_source=pnp.ru&utm_medium=link&utm_campaign=article_inside_block (дата обращения: 20.02.2026).

Таблица 1

Отличительные признаки неформальной занятости в цифровой экономике

Table 1

Distinctive Features of in Formal Employment in the Digital Economy

Уровень анализа	Институты формальной экономики	Институты неформальной занятости в цифровой экономике
Институциональная среда (правила высшего уровня)	Трудовой кодекс, законы о занятости, налоговая система, соцстрахование	Формально не отменены, но де-факто не работают. Платформы используют пробелы в законодательстве («ловушка правовой неопределённости»)
Институциональные соглашения (правила взаимодействия)	Трудовой договор, коллективный договор, членство в профсоюзе	Заменяются «Пользовательским соглашением» (односторонний акт платформы), системой рейтингов, алгоритмическим менеджментом
Неформальные нормы (рутины, практики)	Трудовая этика, профессиональные стандарты, неформальные связи в коллективе	Часто формируются платформой: культура «быстрых денег», соревновательность, изоляция, отсутствие солидарности. Самоэксплуатация как норма

Источник: составлено авторами на основе [21; 22].

Платформенная занятость – это одна из разновидностей неформальной занятости в цифровой экономике, но не всегда неформальная занятость в цифровой экономике является платформенной [23]. Платформенная занятость может быть формальной, если работник официально оформлен как самозанятый или ИП и платит налоги, а может быть и неформальной. Но чаще всего в России и мире она тяготеет к неформальности или полуформальности, из-за чего эти понятия и стоят рядом. Исходя из проведённого анализа, феномен платформенной занятости, активно развивающийся на протяжении последних двух десятилетий, характеризуется значительной терминологической неопределённостью и в нашем исследовании будет рассматриваться как одно из направлений неформальной занятости.

В научный и общественный дискурс вошли такие понятия, как «цифровой труд», «гиг-экономика» (от англ. gig – подработка), «микроработа», «проектное» или «временное трудоустройство» [24]. Данный понятийный плюрализм отражает не только многогранность самого явления, но и отсутствие его устоявшейся концептуализации.

Ключевой проблемой, однако, остаётся не столько измерительная, сколько институциональная: фактическое отсутствие механизмов реализации социальных гарантий и защиты трудовых прав работников при параллельном отсутствии специализированного отечественного законодательства. Следовательно, неформальная занятость в цифровой экономике – это не просто отклонение от формальных правил, а именно

институциональная ловушка, то есть устойчивая неэффективная норма [25], возникающая вследствие:

- разрыва между скоростью внедрения цифровых технологий и практикой их нормативного регулирования;
- несогласованности формальных правил (законов) и неформальных практик взаимодействия в цифровой среде;
- эффекта блокировки (lock-in effect), когда участники не могут выйти из неэффективных отношений без потери доступа к ресурсам.

Цифровые технологии и платформы не столько создают неформальность «с нуля», сколько трансформируют её, придавая новые формы, следовательно возникает новая неформальность, связанная с платформенной занятостью, фрилансом и самозанятостью, которая отличается от традиционной неформальной занятости.

В таблице 2 предложенная классификация позволяет рассматривать неформальную занятость в цифровой экономике не как совокупность случайных отклонений, а как системный институциональный феномен, где каждая из ловушек выполняет функцию закрепления неэффективных норм:

- правовая неопределённость создаёт институциональный вакуум;
- псевдосамостоятельность маскирует зависимость;
- гибкость как принуждение легитимизирует прекаризацию;
- платформенное посредничество блокирует возможность коллективного сопротивления.

Таблица 2

Сводная таблица классификации институциональных ловушек неформальной занятости в цифровой экономике

Table 2

Summary Table of the Classification of Institutional Pitfalls of Informal Employment in the Digital Economy

Ловушка	Источник возникновения	Механизм воспроизводства	Ключевые последствия
Правовой неопределённости	Разрыв между технологическими инновациями и правовым регулированием	Использование пробелов в законодательстве, отсутствие прецедентов	Отсутствие социальных гарантий, невозможность защиты прав
Псевдосамостоятельности	Подмена трудовых отношений гражданско-правовыми	Маскировка зависимости под «предпринимательство»	Потеря пенсионных прав, отпусков, больничных
Гибкости как принуждения	Идеологизация гибкости как безусловного блага	Дерегуляция, устранение защитных норм	Прекаризация, нестабильность доходов
Платформенного посредничества	Монопольное положение платформ как посредников	Алгоритмическое управление, блокировка самоорганизации	Зависимость от «черного ящика» алгоритмов

Источник: составлено авторами на основе [26; 27].

Предложенная классификация позволяет не только идентифицировать типы ловушек, но и понять их внутреннюю динамику. Проведённый анализ показывает, что все четыре типа ловушек находятся в отношении взаимодополнения, формируя замкнутый круг.

– Ловушка «правовой неопределённости» выступает первичной, создавая саму возможность для уклонения от норм.

– Ловушка «псевдосамостоятельности» является ключевым механизмом легитимации, переводящим неопределённость в конкретную, но ложную правовую форму (например, договор ГПХ/самозанятости вместо трудового).

– Ловушка «гибкости как принуждения» служит идеологическим оправданием, формируя у работников восприятие прекарных условий как блага и личной ответственности.

– Ловушка «платформенного посредничества» выступает инструментальной основой, технологически закрепляющей первые три ловушки через алгоритмическое управление и блокировку коллективных действий.

Именно это переплетение, когда одна ловушка создаёт условия для возникновения и устойчивости другой, и объясняет эффект блокировки. Социальные риски, таким образом, являются не суммой разрозненных проблем, а системным следствием функционирования этой взаимосвязанной институциональной матрицы.

В совокупности эти ловушки образуют устойчивую институциональную матрицу, воспроизводящую неформальную занятость в цифровой экономике и консервирующую связанные с ней социальные риски. Под социальными рисками в

контексте данного исследования понимаются вероятные события или процессы, ведущие к ухудшению социального положения работников, их семей и общества в целом, обусловленные институциональными дисфункциями в сфере цифровой занятости.

Оценка рисков производится по четырём ключевым направлениям: снижение уровня защищённости, рост социально-экономического неравенства, деградации коллективных форм защиты и солидарности и фискальные потери.

1. Риск снижения уровня социально-трудовой защищённости неформальных работников: порождается ловушками «правовой неопределённости» и «псевдосамостоятельности».

Отсутствие чёткого правового статуса работников, занятых в цифровой среде (платформенные исполнители, фрилансеры, самозанятые, работающие на одного заказчика), в сочетании с подменой трудовых отношений гражданско-правовыми приводит к исключению значительной части занятых из системы социального страхования. Работники, формально оформленные как самозанятые или независимые подрядчики, фактически трудятся в режиме полного рабочего дня, подчиняясь внутренним регламентам и графику работодателя, но лишены гарантий, предусмотренных Трудовым кодексом Российской Федерации.

Уровень последствий: индивидуально-личностный (работник и его семья), а в долгосрочной перспективе – общесистемный (рост социальной нагрузки на государство при наступлении страховых случаев у лиц, не формировавших пенсионных и страховых прав).

2. Риск роста социально-экономического неравенства.

Данный риск аккумулирует последствия всех четырёх типов институциональных ловушек, но в наибольшей степени связан с ловушками «псевдосамостоятельности» и «гибкости как принуждения». Цифровизация экономики ведёт к расширению гибких, временных и нетипичных форм занятости. Платформенная занятость, фриланс и иные формы цифровой неформальной занятости создают новые возможности для включения в экономику социально уязвимых групп (молодых матерей, людей с инвалидностью, пенсионеров, мигрантов), однако одновременно порождают механизмы, усиливающие социально-экономическую поляризацию [28].

Многослойный характер неравенства: [29]

1. Вертикальное неравенство – между владельцами цифровых платформ (собственниками капитала) и исполнителями, непосредственно создающими стоимость. Прибыль платформ концентрируется у ограниченного круга собственников, тогда как исполнители получают сдельную оплату без гарантий минимального дохода и социальных выплат.

2. Горизонтальное неравенство – между «ядром» формально занятых работников (имеющих бессрочные трудовые договоры, социальный пакет, возможности карьерного роста) и «периферией» платформенных работников, лишённых этих преимуществ при сопоставимых трудовых усилиях.

3. Алгоритмическое неравенство – распределение заказов, определение размера вознаграждения и доступа к более выгодным условиям работы зависит от непрозрачных алгоритмов платформы (рейтинговые системы, приоритизация исполнителей, динамическое ценообразование). Это создаёт «цифровые гетто» для низкорейтинговых работников, снижая их доходы и усугубляя поляризацию внутри самой платформенной занятости.

Следует отметить, что платформенная занятость может выступать механизмом социальной инклюзии. Исследования показывают, что в традиционной занятости шансы на трудоустройство у людей с инвалидностью ниже на 89%, тогда как в платформенной занятости этот разрыв сокращается до 73% [30]. Однако инклюзивный эффект достигается ценой сохранения precarious условий занятости, что создаёт двойственность социальных последствий.

Уровень последствий: индивидуально-личностный (снижение качества жизни работников), социально-групповой (консолидация слоя «цифрового прекариата» с устойчиво воспроизводя-

щимися признаками социально-экономической уязвимости) и общесистемный (эрозия среднего класса, рост социальной напряжённости, снижение совокупного потребительского спроса).

3. Риск деградации коллективных форм защиты и солидарности.

Данный риск является прямым следствием ловушки «платформенного посредничества». Цифровые платформы, выступая в роли «алгоритмического работодателя», объективно затрудняют или делают невозможным применение традиционных механизмов самоорганизации и коллективного представительства работников. Это обусловлено рядом факторов:

- географической распределённостью работников, которые не находятся в едином физическом пространстве и не идентифицируют себя как трудовой коллектив;

- опосредованностью взаимодействия интерфейсом платформы, что исключает прямые горизонтальные коммуникации между исполнителями;

- алгоритмическим управлением, при котором ключевые решения (распределение заказов, определение размера вознаграждения, блокировка аккаунта) принимаются автоматизированной системой, а не работодателем как контрагентом, что затрудняет идентификацию субъекта ответственности;

- индивидуализацией трудовой деятельности, когда каждый работник взаимодействует с платформой как независимый субъект, что блокирует формирование коллективной идентичности и солидарности.

Ключевым следствием действия данной ловушки становится невозможность или крайняя затруднительность применения традиционных институтов защиты прав работников – профсоюзов, коллективных договоров, трудового арбитража – в условиях цифровой неформальной занятости. Как отмечается в научной литературе [31], это создаёт институциональный вакуум, принципиально отличающий новую цифровую неформальность от традиционной. В классической неформальной занятости (например, на строительных площадках или в розничной торговле) работники, как правило, находятся в едином физическом пространстве, имеют возможность неформального общения, обмена информацией и взаимопомощи, что позволяет им хотя бы частично компенсировать отсутствие формальных гарантий через горизонтальные связи и репутационные механизмы внутри локального сообщества.

В цифровой среде такие механизмы солидарности не формируются автоматически. Атомизация работников, их изоляция друг от друга, отсутствие

институциональных каналов для коллективного отстаивания интересов усиливают зависимость каждого отдельного исполнителя от платформы и снижают их переговорную силу. Работник, лишённый возможности коллективного взаимодействия, вынужден принимать условия платформы (включая непрозрачные алгоритмы распределения заказов и штрафные санкции) как данность, что консервирует его уязвимое положение.

4. Риск фискальных потерь и нагрузки на бюджетную систему

Данный риск интегрирует последствия всех ловушек, но наиболее тесно связан с ловушками «правовой неопределённости» и «псевдосамостоятельности». Подмена трудовых отношений статусом самозанятости или использование серых схем оплаты труда приводит к недополучению бюджетом налогов и страховых взносов. Как отмечают эксперты, «специальный налоговый режим для самозанятых, изначально предназначенный для легализации занятости в сфере услуг, превратился в вариант снижения издержек на персонал» [32]. В 2024 году только торговый оборот «платформенной экономики» составил, по разным оценкам, от 6,4% до 20% ВВП России. При этом значительная часть этих операций находится в «серой зоне» с точки зрения налогообложения.

Структура фискальных потерь [33]:

1. Недополучение НДС/Л – при замене трудовых договоров договорами с самозанятыми ставка налога снижается с 13–15% до 4–6%, при этом выпадают и страховые взносы (30%).

2. Недополучение страховых взносов – отсутствие отчислений в СФР означает, что текущие пенсионные права не формируются, а социальные обязательства перекладываются на будущие бюджеты.

3. Потери региональных бюджетов – налоги с доходов физических лиц составляют существенную часть региональных и местных бюджетов.

И, как следствие, накопление пенсионных прав у работников неформального сектора происходит в неполном объёме или не происходит вовсе, что в перспективе создаст дополнительную нагрузку на систему социального обеспечения (необходимость выплаты социальных пенсий, социальных пособий).

В таблице 3 представлен сводный анализ социальных рисков и их зависимость от институциональных ловушек. В совокупности, данные риски формируют устойчивую систему воспроизводства социальной уязвимости и происходит формирование «прекариата» – нового опасного класса.

Таблица 3

Матрица социальных рисков

Table 3

Social Risk Matrix

Институциональная ловушка	Снижение уровня социально-трудовой защищённости	Рост социально-экономического неравенства	Деградация коллективных форм защиты и солидарности	Фискальные потери и нагрузка на бюджетную систему
Правовой неопределённости	высокий	средний	низкий	высокий
Псевдосамостоятельности	высокий	высокий	средний	высокий
Гибкости как принуждения	высокий	высокий	средний	средний
Платформенного посредничества	средний	высокий	высокий	низкий

Источник: составлено авторами.

Проведённая оценка позволяет заключить, что выявленные институциональные ловушки неформальной занятости в цифровой экономике порождают комплекс взаимоусиливающих социальных рисков:

– индивидуально-личностный уровень – снижение социально-трудовой защищённости, нестабильность доходов, утрата пенсионных прав;

– социально-групповой уровень – углубление социально-экономического неравенства, формирование слоя работников с неустойчивой занятостью и отсутствием социальных гарантий, ослабление коллективных форм защиты;

– общесистемный уровень – фискальные потери, рост будущей нагрузки на бюджет, институциональная неустойчивость рынка труда.

Совокупное действие данных ловушек формирует устойчивый контур воспроизводства социальной уязвимости, в котором риски выступают не побочными эффектами, а имманентными свойствами институциональной системы. Следствием становится консолидация слоя «цифрового прекариата» – работников, формально включённых в экономику, но исключённых из механизмов социально-трудовой защиты [34]. Ключевым препятствием для преодоления сложившейся ситуации

выступает эффект институциональной блокировки: издержки выхода из ловушки для индивидуальных агентов превышают издержки адаптации к ней, что требует не частных корректировок, а системного изменения институциональной среды.

В результате проведённого исследования можно сформировать обобщающий результат, отражающий системную взаимосвязь институциональных ловушек и социальных рисков (таблица 4).

Таблица 4

Системная взаимосвязь институциональных ловушек и социальных рисков

Table 4

The Systemic Relationship Between Institutional Traps and Social Risks

Институциональная ловушка	Механизм формирования неформальности	Ключевой социальный риск	Уровень последствий
Правовой неопределённости	Создание «серой зоны» между формальными и неформальными правилами	Снижение уровня социально-трудовой защищённости, фискальные потери	Общесистемный
Псевдосамостоятельности	Подмена трудовых отношений гражданско-правовыми	Рост социально-экономического неравенства; снижение защищённости (потеря пенсионных прав, отпусков, больничных)	Индивидуальный, групповой
Гибкости как принуждения	Идеологизация прекарных условий как «блага»	Снижение защищённости; рост неравенства; деградация коллективных форм защиты	Индивидуальный, групповой
Платформенного посредничества	Алгоритмическое управление, блокировка самоорганизации	Деградация коллективных форм защиты и солидарности; рост неравенства (алгоритмическое)	Групповой

Источник: составлено авторами.

Представленная в таблице 4 систематизация позволяет наглядно проследить логическую цепочку от институциональной ловушки к формируемым ею социальным рискам и уровням их последствий. Проведённый анализ демонстрирует, что выявленные четыре типа ловушек не действуют изолированно, а образуют взаимодополняющую систему, в которой каждая последующая ловушка усиливает и закрепляет эффекты предыдущих.

Кумулятивный эффект действия всех четырёх ловушек выходит за рамки суммы отдельных рисков. Как показано в таблице 4, их взаимодополнение формирует замкнутый контур воспроизводства социальной уязвимости: правовая неопределённость позволяет легитимировать зависимость под видом самостоятельности, идеология гибкости оправдывает прекарные условия, а платформенное посредничество технологически блокирует попытки выхода из этой системы. Результатом становится консолидация слоя «цифрового прекариата» – работников, формально включённых в экономику (как самозанятые, платформенные исполнители, фрилансеры), но исключённых из механизмов социально-трудовой защиты, что создаёт долгосрочные угрозы для устойчивости социально-трудовой сферы и требует системных

институциональных изменений, а не точечных корректировок.

Полученные в ходе исследования результаты согласуются с выводами ряда отечественных и зарубежных авторов, одновременно развивая и дополняя их. Выявленная ловушка «правовой неопределённости» подтверждает тезис Н.В. Залужной о разрыве между динамикой технологических изменений и инертностью правового регулирования, а также выводы И.Н. Мыслевой о наличии институционального вакуума в сфере цифровой занятости. Классификация четырёх типов ловушек развивает теоретические положения В.В. Братковой и О.В. Сорокиной о механизмах формирования институциональных ловушек в цифровой экономике, конкретизируя их применительно к сфере занятости.

Обоснование ловушки «псевдосамостоятельности» коррелирует с эмпирическими данными Д.Г. Бычкова и соавторов, а также А.В. Алексеевской и И.Ю. Ваславской о масштабах подмены трудовых отношений статусом самозанятого в российской практике. Выводы о ловушке «платформенного посредничества» созвучны результатам исследований А. Elias и G.M. Gomez, а также J. Drahokoupil, A. Piasna, W. Zwysen, которые показывают, что цифровые платформы выступают

не просто технологическими посредниками, но активными институциональными акторами, блокирующими самоорганизацию работников через алгоритмическое управление.

Построенная в работе матрица социальных рисков (таблица 3) и систематизация уровней их последствий (таблица 4) дополняют существующие исследования прекаризации занятости (В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, В.И. Рязанцев, И.А. Волкова, Т.А. Галынчик) за счёт интеграции институционального анализа и выявления взаимосвязей между типами ловушек и различными группами рисков.

Научная новизна исследования заключается:

- в концептуализации понятия «неформальная занятость в цифровой экономике» с позиций институциональной экономической теории, что позволяет рассматривать её не как совокупность отклонений, а как результат функционирования устойчивых неэффективных норм;

- в разработке и обосновании классификации четырёх ключевых институциональных ловушек неформальной занятости в цифровой экономике, находящихся в отношении взаимодополнения и формирующих замкнутый контур воспроизводства;

- в построении матрицы социальных рисков, систематизирующей последствия действия выявленных ловушек на индивидуальном, групповом и общесистемном уровнях.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии институциональной теории применительно к анализу трансформации социально-трудовых отношений в цифровой экономике. Практическая значимость состоит в обосновании направлений институциональных изменений (дифференциация правовых статусов, совершенствование механизмов переквалификации гражданско-правовых отношений, обеспечение прозрачности цифрового посредничества, поддержка новых форм коллективной защиты), которые могут быть использованы при совершенствовании законодательства и разработке программ в сфере регулирования цифровой занятости.

Выводы

Проведённый анализ позволил выявить сущность неформальной занятости как экономической активности, протекающей вне правового поля. Примером служат продавцы на рынках, строители, репетиторы, работники сферы услуг: их труд сам по себе законен, однако официально не оформлен, налоги с него не уплачиваются, а социальные гарантии отсутствуют.

Результаты проведённого исследования подтверждают выдвинутую гипотезу. Установлено, что распространение неформальной занятости в

цифровой экономике действительно обусловлено не только технологическими и экономическими факторами, но и формированием устойчивых институциональных ловушек (правовой неопределённости, псевдосамостоятельности, гибкости как принуждения, платформенного посредничества). Выявлено, что данные ловушки находятся в отношении взаимодополнения и формируют замкнутый контур воспроизводства социальной уязвимости, порождая системные риски на индивидуальном, групповом и общесистемном уровнях. Таким образом, гипотеза о том, что институциональные ловушки создают системные социальные риски, выходящие за рамки индивидуальных потерь работников, нашла эмпирическое и теоретическое подтверждение.

Неформальная занятость в цифровой экономике представляет собой не реликт прошлого и не временное отклонение, а устойчиво воспроизводящийся институциональный феномен. Её ключевая особенность – парадоксальная рациональность: в сложившихся институциональных условиях часто является оптимальной стратегией для всех участников, где работник получает доход без бюрократических издержек, работодатель (или заказчик) экономит на налогах и социальных гарантиях, а государство закрывает глаза на масштабы явления, смягчая тем самым социальную напряжённость на рынке труда.

Однако эта «рациональность» является ловушкой. Выявленные в ходе исследования институциональные ловушки – правовой неопределённости, псевдосамостоятельности, гибкости как принуждения и цифрового посредничества – формируют самоподдерживающуюся систему. Издержки, создаваемые этими ловушками (утрата пенсионных прав, невозможность кредитования, отсутствие защиты от необоснованного расторжения отношений, фискальные потери), накапливаются на уровне индивида и общества в целом, консервируя социальную уязвимость и подрывая долгосрочную устойчивость социально-трудовой сферы. Выход из этой ловушки возможен только через комплексные институциональные изменения, перестраивающие структуру стимулов таким образом, чтобы формализация стала более выгодной, чем неформальность.

Стратегия минимизации рисков, следовательно, должна быть направлена на изменение самой структуры стимулов и разрушение описанных ловушек, а также должна строиться в трёх направлениях:

1. Снижение барьеров формализации (чтобы выходить из тени стало выгодно).

Необходим переход от политики «наблюдения за пробелами» к политике «упреждающего регу-

лирования». Ключевым шагом видится не подведение неформальной занятости исключительно под нормы Трудового кодекса (что может разрушить её гибкость) и не сохранение текущей «серой зоны», а создание гибридного правового статуса «экономически зависимого самозанятого».

2. Точечный контроль (чтобы оставаться в тени стало рискованно).

Предложенным выходом может стать введение чётких правовых критериев для переквалификации гражданско-правовых договоров в трудовые в судебном и административном порядке. К таким критериям должны относиться: систематический характер работы, выполнение работы лично, использование материалов и средств труда заказчика, подчинение внутренним регламентам и графику, интеграция в основной бизнес-процесс. Одновременно с этим необходимо рассмотреть вопрос о создании экономических стимулов для выхода из тени, например, введение пониженного тарифа страховых взносов для малого бизнеса и заказчиков, работающих с физическими лицами на долгосрочной основе, но при условии полной формализации отношений. Это снизит издержки легальной занятости и сделает её более конкурентоспособной по сравнению с серыми схемами.

3. Поддержка новых форм коллективной защиты.

Атомизация работников в цифровой среде – одно из главных препятствий для защиты их прав. Они не идентифицируют себя как коллектив, что делает невозможным применение традиционных механизмов (профсоюзы, коллективные договоры). Гибкость, навязываемая как единственно возможная форма существования, превращается в инструмент принуждения к принятию любых условий.

Предложение: создать правовые и организационные условия для возникновения новых форм

коллективной самоорганизации, адекватных цифровой реальности. Это могут быть «цифровые гильдии», ассоциации самозанятых и фрилансеров, онлайн-платформы взаимопомощи. Их ключевая функция – не только защита интересов, но и создание альтернативных механизмов социальной защиты (взаимное страхование, юридическая поддержка, коллективное обсуждение условий работы с крупными заказчиками). Государству целесообразно поддерживать такие инициативы через гранты, образовательные программы и предоставление «регуляторных песочниц» для отработки новых моделей коллективного взаимодействия.

Реализация предложенных мер, ориентированных на дифференциацию статусов, переквалификацию отношений, обеспечение цифровых прав работников и поддержку их самоорганизации, позволит трансформировать текущее институциональное равновесие. Цель этих изменений – сделать формализацию не принудительной мерой, а результатом рационального выбора, при котором легальный статус даёт работнику и работодателю больше преимуществ, чем уход в «цифровую тень». Только такой подход способен минимизировать социальные риски, восстановить устойчивость рынка труда и обеспечить справедливое распределение благ, создаваемых в цифровой экономике.

Предложенная классификация институциональных ловушек и матрица социальных рисков носят теоретико-концептуальный характер и требуют дальнейшей эмпирической верификации на расширенной базе данных, включая микроданные обследований рабочей силы. Исследование ограничено анализом российской специфики, однако предложенный инструментарий может быть адаптирован для сравнительных межстрановых исследований.

Список источников

1. Преимущества и риски самозанятости и платформенной занятости / Д.Г. Бычков., Е.Е. Гришина, Н.В. Локтюхина, О.А. Феоктистова // Экономическая политика. 2024. Том 19. № 4. С. 60–83. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-4-60-83> EDN RFVSAK
2. Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. *Journal of Modern African Studies*. 1973;11(1):61-89.
3. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нормально ли быть неформальным? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2013. Том 17. № 1. С. 3–40. EDN QAOIOH
4. Узякова Е.С. Неформальная занятость и структурные дисбалансы на рынке труда // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. № Том 17. № 6. С. 167–183. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.9> EDN OSUCAZ
5. Капелюшников Р.И., Зинченко Д.И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть I: дистанционная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6(184). С. 157–181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2654> EDN JOEAJB

6. Adair P. Non-Observed Economy vs. Shadow Economy and Informal Employment in Poland: A Range of Mismatching Estimates. In: Andreff W. (ed.) *Comparative Economic Studies in Europe: a Thirty-Year Review*. Switzerland: Palgrave Macmillan; 2021. P. 249–278. https://doi.org/10.1007/978-3-030-48295-4_13
7. Воронин Г.Л., Крамер А.Д. Неформальная занятость в России как условие становления прекариата // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 3(63). С. 69–78. https://doi.org/10.52452/18115942_2021_3_69 EDN LSQZLI
8. Закалюжная Н.В. Новая концепция занятости и развитие трудовых отношений в цифровую эпоху // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 16. № 2. С. 139–164. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.2.139.164> EDN VIPAJN
9. Тощенко Ж.Т. Новое социально-экономическое явление: прекариат // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Том 1. № 1. С. 146–161. <https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-1-146-161> EDN GBVQXQ
10. Бобков В.Н., Одицова Е.В., Рязанцев В.И. Прекаризация занятости и ее особенности в поколенных группах работников в оценках профсоюзных экспертов // Социально-трудовые исследования. 2023. № 1(50). С. 31–40. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-31-40> EDN IMSDVK
11. Волкова И.А., Галынчик Т.А. Прекаризация занятости населения как фактор обесценивания человеческого капитала // Народонаселение. 2025. Том 28. № 1. С. 168–178. <https://doi.org/10.24412/15617785-2025-1-168-178> EDN DWSJAU
12. Ураев Р.Р., Круль А.С., Валиева Г.Р. Неформальная занятость в условиях цифровизации рынка труда (на примере Республики Башкортостан) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 119–126. <https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-3-119-126> EDN OIUSLE
13. Одегов В.В., Шерстяков Д.О., Шумилина Е.А. Проблемы занятости и занятость как индикатор устойчивости регионов // Прикладные экономические исследования. 2025. № 5. С. 139–147. <https://doi.org/10.47576/2949-1908.2025.5.5.016> EDN PRYHVQ
14. Илларионова Э.О. Новые формы занятости в контексте цифровизации рынка труда // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27. № 1. С. 21–32. <https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.2> EDN SJTEDK
15. Elias A., Gomez G.M. Digital Platforms as Institutional Actors in the Global South – Evidence from India's Informal Sector. *Digital Geography and Society*. 2025;9:100146. <https://doi.org/10.1016/j.diggeo.2025.100146>
16. Piasna A., Zwysen W., Drahokoupil J. The Platform Economy in Europe: Results from the Second ETUI Internet and Platform Work Survey (IPWS). Research Paper-Working Paper. Brussels: ETUI; 2022. 5 p. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4042629>
17. Зудина А.А. Неформальная занятость в периоды кризиса: анализ потоков рабочей силы на российском рынке труда // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 28. № 4. С. 565–586. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2024-28-4-565-586> EDN OYLGWW
18. Шорникова Н.Ю. Исследование влияния цифровых технологий на трансформацию труда // Экономические системы. 2025. Том 18. № 3. С. 142–151. <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2025-18-3-142-151> EDN QYSJQP
19. Lei X., Baghaie S., Mohammad Sajadi S. The Digital Economy: Challenges and Opportunities in the New Era of Technology and Electronic Communications. *Ain Shams Engineering Journal*. 2024;15(2):102411. <https://doi.org/10.1016/j.asej.2023.102411>
20. Wang R. Challenges and Countermeasures for the Protection of Online Consumer Rights in the Digital Economy. *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2023;55(1):102-106. <https://doi.org/10.54254/2754-1169/55/20230969>
21. Оганесян Д.А., Курносова Е.А. Теория институциональных изменений // Вестник Самарского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 2(124). С. 164–168. EDN TPUHUX
22. Мысляева И.Н. Государственное регулирование социально-трудовых отношений в условиях цифровой экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 27–38. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_3_27_38 EDN LENTCB
23. Филатова Е.Л. Платформенная экономика: влияние на труд и занятость // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Том 13. № 4. С. 64–74. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-4-6> EDN RFNTTJ
24. Graham M., Anwar M.A. The Global Gig Economy: Towards a Planetary Labour Market? In: Larsson A., Robin Teigland R. (eds.) *The Digital Transformation of Labor. Automation, the Gig Economy and Welfare*. London: Routledge; 2019. 22 p. ISBN 9780429317866 <https://doi.org/10.4324/9780429317866-13>
25. Сорокина О.В., Браткова В.В. Институциональные ловушки в цифровой экономике: причины и механизм формирования // Кант. 2025. № 1(54). С. 168–175. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-54.24> EDN HBDEXU
26. Graham M., Dutton W.H. (eds.) *Society and the Internet, How Networks of Information and Communication Are Changing Our Lives*. UK: Oxford University Press; 2019. P. 293-306. ISBN 9780198843498 <https://doi.org/10.1093/oso/9780198843498.001.0001>
27. Нехода Е.В., Недоспасова О.П., Геворгян О.И. Институционализация новых форм занятости: от вызовов к возможностям // Журнал институциональных исследований. 2025. Том 17. № 3. С. 67–83. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2025.17.3.067-083> EDN YKNUCV
28. Heimbarg V., Wiesche M. Digital Platform Regulation: Opportunities for Information Systems Research. *Internet Research*. 2023;33(7):72-85. <https://doi.org/10.1108/INTR-05-2022-0321>
29. Дудин М.Н., Шкодинский С.В., Усманов Д.И. Оценка влияния цифрового неравенства на уровень социально-экономического развития регионов Российской Федерации // Вопросы инновационной экономики. 2021. Том 11. № 3. С. 961–984. <https://doi.org/10.18334/vinec.11.3.113452> EDN BSQQKC

30. Баймурзина Г.Р., Черных Е.А. Особенности платформенной занятости в России: о чем говорят данные цифровых профилей работников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Том 17. № 2. С. 202–219. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.11> EDN KHRTOY
31. Kelishomi A.M., Nistico R. Economic Sanctions and Informal Employment. *Labour Economics*. 2024;89:102581. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102581>
32. Алексеевская А.В., Ваславская И.Ю. Налоговые риски в условиях трансформации рынка труда и предпринимательства (на материалах Республики Татарстан) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2025. № 1(81). С. 1–15. EDN GLUGML
33. Дорошенко С.В. Неформальная занятость: влияет ли налоговый режим на профессиональный доход? // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 3. С. 11–22. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-11.14> EDN DDKQRY
34. Прекаризация труда: социально-экономические риски занятости в цифровой экономике России / Н.Ю. Кауфман, С.Ю. Зеленцова, М.И. Имамвердиева, А.А. Колесник // Фундаментальные исследования. 2025. № 9. С. 28–33. <https://doi.org/10.17513/fr.43898> EDN SPECWC

Информация об авторах:

Наталья Юрьевна Кауфман – кандидат экономических наук, доцент, Сургутский государственный университет (SPIN-код: 4966-0185) (ResearcherID: AAD-8367-2021)

Светлана Юрьевна Зеленцова – кандидат экономических наук, доцент, Сургутский государственный университет (SPIN-код: 1892-0167) (ResearcherID: KIK-2693-2024)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Наталья Юрьевна Кауфман.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 09.04.2026; принята к публикации 31.08.2026.

References

1. Bychkov D.G., Grishina E.E., Loktyukhina N.V., et al. Advantages and Risks of Self-Employment and Platform Employment. *Ekonomicheskaya politika=Economic Policy*. 2024;19(4):60–83. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-4-60-83> (In Russ.)
2. Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. *Journal of Modern African Studies*. 1973;11(1):61–89.
3. Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. Is It Normal to Be Informal? *Ekonomicheskii zhurnal VShE=HSE Economic Journal*. 2013;17(1):3–40. (In Russ.)
4. Uzyakova E.S. Informal Employment and Structural Imbalances in the Labour Market. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;6(17):167–183. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.9> (In Russ.)
5. Kapelyushnikov R.I., Zinchenko D.I. Digital Forms of Employment in the Russian Labour Market. Part I: Remote Employment. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2024;(6(184)):157–181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2654> (In Russ.)
6. Adair P. Non-Observed Economy vs. Shadow Economy and Informal Employment in Poland: A Range of Mismatching Estimates. In: Andreff W. (ed.) *Comparative Economic Studies in Europe: a Thirty-Year Review*. Switzerland: Palgrave Macmillan; 2021. P. 249–278. https://doi.org/10.1007/978-3-030-48295-4_13
7. Voronin G.L., Kramer A.D. Informal Employment in Russia as a Condition for the Formation of the Precariat. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki=Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2021;(3(63)):69–78. https://doi.org/10.52452/18115942_2021_3_69 (In Russ.)
8. Zakalyuzhnaya N.V. A New Concept of Employment and the Development of Labour Relations in the Digital Age. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki=Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2023;16(2):139–164. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.2.139.164> (In Russ.)
9. Toshchenko Zh.T. A New Socio-Economic Phenomenon: The Precariat. *Noonomika i nooobshchestvo. Al'manakh trudov INIR im. S.Yu. Vitte=Noonomics and Noosociety. Almanac of the INIR named after S.Yu. Witte*. 2022;1(1):146–161. <https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-1-146-161> (In Russ.)
10. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Ryazantsev V.I. Precarisation of Employment and Its Features in Generational Groups of Workers in the Assessments of Trade Union Experts. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;(1(50)):31–40. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-31-40> (In Russ.)
11. Volkova I.A., Galynchik T.A. Precarisation of Employment as a Factor of Human Capital Depreciation. *Narodonaselenie=Population*. 2025;28(1):168–178. <https://doi.org/10.24412/15617785-2025-1-168-178> (In Russ.)
12. Uraev R.R., Krul A.S., Valieva G.R. Informal Employment in the Context of Digitalization of the Labour Market (on the Example of the Republic of Bashkortostan). *Vestnik ehkonomiki, prava i sotsiologii=The Review of Economy, The Law and Sociology*. 2025;(3):119–126. <https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-3-119-126> (In Russ.)
13. Odegov V.V., Sherstyakov D.O., Shumilina E.A. Employment Problems and Employment as an Indicator of Regional Sustainability. *Prikladnye ekonomicheskie issledovaniya=Applied Economic Research*. 2025;(5):139–147. <https://doi.org/10.47576/2949-1908.2025.5.5.016> (In Russ.)

14. Illarionova E.O. New Forms of Employment in the Context of Labour Market Digitalization. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo=Science. Culture. Society*. 2021;27(1):21-32. <https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.2> (In Russ.)
15. Elias A., Gomez G.M. Digital Platforms as Institutional Actors in the Global South – Evidence From India's Informal Sector. *Digital Geography and Society*. 2025;9:100146. ISSN 2666-3783. <https://doi.org/10.1016/j.diggeo.2025.100146>.
16. Piasna A., Zwysen W., Drahokoupil J. The Platform Economy in Europe: Results from the Second ETUI Internet and Platform Work Survey (IPWS). Research Paper-Working Paper. Brussels: ETUI; 2022. 5 p. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4042629>
17. Zudina A.A. Informal Employment during Crises: Analysis of Labour Force Flows in the Russian Labour Market. *Eh-konomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki=Higher School of Economics Economic Journal*. 2024;28(4):565–586. <http://doi.org/10.17323/1813-8691-2024-28-4-565-586> (In Russ.)
18. Shornikova N.Yu. A Study of the Impact of Digital Technologies on the Transformation of Labour. *Ekonomicheskie sistemy=Economic Systems*. 2025;18(3):142–151. <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2025-18-3-142-151> (In Russ.)
19. Lei X., Baghaie S., Mohammad Sajadi S. The digital economy: Challenges and opportunities in the new era of technology and electronic communications. *Ain Shams Engineering Journal*. 2024;15(2):102411. <https://doi.org/10.1016/j.asej.2023.102411>
20. Wang R. Challenges and countermeasures for the protection of online consumer rights in the digital economy. *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2023;55(1):102–106. <https://doi.org/10.54254/2754-1169/55/20230969>
21. Oganessian D.A., Kurnosova E.A. Teoriya Institutsional'nykh Izmenenii. *Vestnik Samarskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Ehkonomika i Upravlenie*. 2015;(2(124)):164–168. (In Russ.)
22. Myslyayeva I.N. State Regulation of Social and Labour Relations in the Digital Economy. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):27–38. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_3_27_38 (In Russ.)
23. Filatova E.L. Platform Economy: Impact on Labour and Employment. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta=Surgut State University Journal*. 2025;13(4):64–74. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-4-6> (In Russ.)
24. Graham M., Anwar M.A. The Global Gig Economy: Towards a Planetary Labour Market? In: Larsson A., Robin Teigland R. (eds.) *The Digital Transformation of Labor. Automation, the Gig Economy and Welfare*. London: Routledge; 2019. 22 p. ISBN 9780429317866 <https://doi.org/10.4324/9780429317866-13>
25. Sorokina O.V., Bratkova V.V. Institutional Traps in the Digital Economy: Causes and Mechanisms of Formation. *Kant*. 2025;(1(54)):168–175. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-54.24> (In Russ.)
26. Graham M., Dutton W.H. (eds.) *Society and the Internet, How Networks of Information and Communication Are Changing Our Lives*. UK: Oxford University Press; 2019. P. 293–306. ISBN 9780198843498 <https://doi.org/10.1093/oso/9780198843498.001.0001>
27. Nekhoda E.V., Nedospasova O.P., Gevorgyan O.I. Institutionalisation of New Forms of Employment: From Challenges to Opportunities. *Zhurnal Institutsional'nykh Issledovaniy=Journal of Institutional Studies*. 2025;17(3):67–83. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2025.17.3.067-083> (In Russ.)
28. Heimburg V., Wiesche M. Digital Platform Regulation: Opportunities for Information Systems Research. *Internet Research*. 2023;33(7):72–85. <https://doi.org/10.1108/INTR-05-2022-0321>
29. Dudin M.N., Shkodinskiy S.V., Usmanov D.I. Assessment of the Impact of Digital Inequality on the Socio-Economic Development of Russian Regions. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki=Russian Journal of Innovation Economics*. 2021;11(3):961–984. <https://doi.org/10.18334/vinec.11.3.113452> (In Russ.)
30. Baymurzina G.R., Chernykh E.A. Features of Platform Employment in Russia: What the Data from Digital Worker Profiles Say. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(2):202–219. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.11> (In Russ.)
31. Kelishomi A.M., Nistico R. Economic Sanctions and Informal Employment. *Labour Economics*. 2024;89:102581. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2024.102581>
32. Alekseevskaya A.V., Vaslavskaya I.Yu. Tax Risks in the Context of Labour Market and Entrepreneurship Transformation (Based on the Materials of the Republic of Tatarstan). *Regional'naya Ehkonomika I Upravlenie: Ehlektronnyi Nauchnyi Zhurnal=Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal*. 2025;(1(81)):1–15. (In Russ.)
33. Doroshenko S.V. Informal Employment: Does the Tax Regime Affect Professional Income? *Intellekt. Innovatsii. Investitsii=Intellect. Innovations. Investments*. 2024;(3):11–22. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-11.14> (In Russ.)
34. Kaufman N.Yu., Zelentsova S.Yu., Imamverdieva M.I., et al. Precarisation of Labour: Socio-Economic Risks of Employment in the Digital Economy of Russia. *Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental Research*. 2025;(9):28–33. <https://doi.org/10.17513/fr.43898> (In Russ.)

Information about the authors:

Natalya Yu. Kaufman – PhD in Economics, Associate Professor, Surgut State University (SPIN-code: 4966-0185) (ResearcherID: AAD-8367-2021)

Svetlana Yu. Zelentsova – PhD in Economics, Associate Professor, Surgut State University (SPIN-code: 1892-0167) (ResearcherID: KIK-2693-2024)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Natalya Yu. Kaufman.

The article was submitted 03.03.2026; approved after reviewing 09.04.2026; accepted for publication 31.08.2026.